

Волгарь. Н. Новгород,

1893. 31 декабря. № 309.

с. 3.

А Р А В Е С К И

«Из мира искусства и литературы»

1. Чеховъ сталъ теперь рѣдкимъ гостемъ въ литературѣ. *Noblesse oblige*... Прежде, когда онъ былъ маленькимъ писателемъ, онъ писалъ цѣлыя груды разсказовъ, но когда прѣбрѣлъ репутацію крупнаго, сталъ появляться въ печати все рѣже и рѣже.

Онъ былъ востановленъ годъ, если не одинъ, но онъ писалъ, онъ написалъ только одинъ разсказъ: «Палата № 6» да сталъ появляться въ «Рус. Мысли» описание своей поездки на островъ Сахалинъ, которое почти ничѣмъ не отличается отъ другихъ подобныхъ описаній и читается съ особеннымъ интересомъ только потому, что написано г. Чеховымъ.

Въ виду такого рѣдкого появленія г. Чехова въ печати, нельзя не обратить особеннаго вниманія на небольшой его разсказъ: «Володя большой и Володя маленький», напечатанный въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Русск. Вѣд.» въ которыхъ, если не ошибемся, г. Чеховъ появляется въ первый разъ. Прежде онъ печаталъ свои небольшие разсказы въ «Нов. Врем.», куда онъ перешелъ въ демократическіе листки.

Название новаго разсказа г. Чехова ничего не говоритъ ни уму, ни сердцу, да, пожалуй, не оправдывается и его содержание. Есть въ разсказѣ и «Володя большой», и «Володя маленький», но индивидуальность ихъ выступаетъ мало и, во всякомъ случаѣ, дѣло здѣсь не въ нихъ и смыслъ разсказа мало бы вытекалъ отъ того, если бы въ немъ было еще нѣсколько Володей большихъ и Володей маленькихъ.

На первый разъ можно даже показать, что въ разсказѣ нѣтъ никакого смысла, да цѣль—такова у г. Чехова манера писать. Онъ какъ будто беретъ ключикъ изъ жизни и съ нимъ останавливается въ недоумѣніи, какъ отнестись къ нему, но этотъ ключикъ онъ изображаетъ такъ живо и верно, что, въ концѣ концовъ, много говорить и уму, и сердцу, хотя вѣрнѣе то, что говорить онъ, тѣло и безотрадно.

Безотрадное впечатлѣніе производить и этотъ новый его небольшой разсказецъ. Молодая легкомысленная дѣвушка выходитъ за уже за стараго, нелюбимаго съ чужойки, выходитъ потому, что онъ богатъ. Она сама хорошо не сознаетъ, по своему легкомыслию, своего поступка, но что то далеко скрытое въ глубинѣ ея души мучитъ и гложетъ ее и она старается забыть.

Вотъ она идетъ на тройкѣ съ мужемъ и другомъ дѣтства въ загороднаго ресторана, гдѣ она слушала цыганокъ и гдѣ провела шумную, безпокойную и нечистую ночь. Подъ вліяніемъ вина она утѣшила себя, что любить мужа и ничего не чувствуетъ къ «Володѣ маленькому», другу дѣтства, въ котораго она влюблена до свадьбы. Она возбуждена, весела, смѣется и пьяно кричитъ.

На пути имъ попадается монастырь, куда поступила въ монахини ее кузина Оля. И ей приходится внезапно, напрямую мысль зайти въ монастырь, посмотреть Олю. Въ монастырь тихо, пасмурно, въ придѣлѣхъ недавно стоитъ черныя фигуры и среди нихъ Оля. Разговаривая съ послѣдней, Софья Львовна, только что утѣшаясь, что она счастлива, заплакала почему-то и чувствовала, что эти слезы облегчили и прояснили ей душу.

Затѣмъ съ большимъ мастерствомъ г. Чеховъ описываетъ, говоря словами А. Н. Майкова, «трепетанье въ вѣчность глупушечей души», этой бѣдной, легкомысленной души, у которой нѣтъ никакихъ ни устоевъ, ни вѣрованій, ни цѣлей души. Хмель прошелъ и для нея стало ясно, что она не любитъ своего мужа, что вышла изъ него изъ расчета, потому

му что не могла предположить, когда выходя, что это такъ тяжело, жутко и безобразно. Когда она была уже въ постели, мысль о монастырѣ не выходила у нея изъ головы, она вспоминала темный притворъ, запахъ ладона и черныя фигуры у колоннъ.

Но вѣдь Богъ есть, нѣпрѣное есть, и и нѣпрѣменно должна умереть, значитъ, надо рано или поздно подумать о душѣ, о вѣчной жизни, какъ Оля. Оля теперь списана, она рѣшила для себя всѣ вопросы. Но если Богъ нѣтъ? Тогда пропадетъ ее жизнь? То есть какъ пропала? Почему пропала?

А черезъ минуту въ голову опять лезетъ мысль:

Богъ есть, смерть нѣпрѣменно придетъ, надо о душѣ подумать. Если Оля сію минуту увидитъ свою смерть, то ей не будетъ страшно. Она готова. А главное, она уже рѣшила для себя вопросъ жизни. Богъ есть... да... Вѣдь и иерузу?

Софья Львовна становится немножко страшно; она спрянула голову подъ подушку и шептала:

— Не надо объ этомъ думать... Не надо...

Она чувствуетъ себя жалкой, одинокой, заброшенной въ этомъ громадномъ, темномъ мірѣ, въ которомъ лежитъ еще болѣе темная и страшная вѣчность, и чувство ея съ увеличенной силой обращается къ «Володѣ маленькому», котораго она любила до свадьбы и на зло которому вышла за «Володѣмъ большимъ». Когда ей доложили на другой день о приходѣ Володи—маленькаго, она одѣлась и поспѣшила выйти къ нему; «она чувствовала въ своей душѣ невыразимую вѣчность и дрожала отъ радости и страха, что онъ можетъ уйти».

Ему она постаралась открыть, на сколько умѣла свою бѣдную, слабую душу, высказать то, что волновало и мучило ее. Она вспомнила про Олю

— Вотъ мы, Володя, умный человѣкъ

Волгарь. Н. Новгород,

1893. 31 декабря. №309.

С.З.

— сказали Софья Львовна, — поучите меня, чтобы и поступила точно так же, как она. Конечно, я невѣрующая и въ монастырь не пошла бы, но вѣдь можно сдѣлать что нибудь равносильное. Мнѣ не легко живется, — продолжала она, помолчавъ немного. — Научите же... Скажите мнѣ что нибудь убѣдительное. Хоть одно слово скажите...

— Одно слово? Извольте: тирабум-бум...

Такъ встрѣчаетъ онъ всѣ ея попытки объяснить свою душу, свое недоумѣніе, найти поддержку и опору. Онъ не видитъ въ ней души, видитъ одно тѣло, орудіе наслажденія, и она сама такъ слаба, такъ легкомысленна, что не можетъ противиться этому. „Трепетавъ въ вѣчность глинувшей души“, овладѣвшее ею ночью, проходить, остается лишь земное, страстное стремленіе къ „Володѣ маленькому“, подбѣгившее то духовное, котораго слабо и бесознательно жаждала эта бѣдная безпомощная душа.

Черезъ недѣлю заключить авторъ свой рассказъ — Володя маленькій бро-силъ ее. И послѣ этого жизнь пошла по прежнему, такая же неинтересная, тоскливая и иногда даже мучительная. Полковникъ и Володя-маленькій играли по долгу на биліардѣ, Рита безвкусно и вытораскивала анекдоты, Софья Львовна все бѣдила на извозчикъ и просила мужа, чтобы онъ покаталъ ее на тройкѣ.

И монашка Оля, которой она, затаивъ въ свой день въ монастырь, жаловалась на свои невыносимыя страданія, говорила ей, что все это ничего, пройдетъ...

Впечатлѣніе отъ рассказа получается тѣсное и безотрадное, какъ и отъ другихъ рассказовъ г. Чехова, о чемъ мы замѣтили и выше, — но другого сорта, чѣмъ то, какое получается отъ произведеній французскихъ натуралистовъ. Человѣкъ у г. Чехова такъ же слабъ, такъ же живетъ почти безсознательной жизнью, какъ и у натуралистовъ, но только онъ у него вызываетъ не отвращеніе, а жалость, чувство высшее и болѣе христіанское. Героиня его слаба, легкомысленна, безпорядочна, но и въ ней теплится огонекъ духовности, заглушаемый жизнью, который примиряетъ насъ съ нею.

Какъ истинный, глубокий талантъ, г. Чеховъ даетъ, быть можетъ, больше, чѣмъ намѣренъ дать, лица его рассказы не только иллюстрируютъ известную идею, мысль-автора, они живутъ и своей самостоятельной жизнью, давая поводъ къ разнообразнымъ заключеніямъ. Въ этомъ отношеніи г. Чеховъ, напр., глубже г. Мамина Сибиряка, тоже писателя несомнѣнно талантливаго, котораго небольшой рассказъ „Соломенная дѣвочка“ (изъ „Дѣтскихъ тѣней“) помѣщенъ въ послѣдней книжкѣ „Рус. Богатства“. Впечатлѣніе отъ рассказа г. Мамина опредѣленнѣе, неѣе, но за то онъ не говоритъ больше того что желалъ сказать авторъ, и лица очерка не представляются намъ съ такою живостью, какъ лица очерка г. Чехова.

Впрочемъ, не будемъ дальше сравнивать очерка г. Чехова съ очеркомъ г. Мамина Сибиряка, потому что очеркъ послѣдняго принадлежитъ къ числу болѣе слабыхъ въ рядѣ его „Дѣтскихъ тѣней“, а для сравненія нужно бы взять болѣе сильный.

А. Уманскій.